Алан. Скажи, что ты моя 2

Автор:
Иман Кальби

Алан. Скажи, что ты моя 2

Иман Кальби

Я клялся ей в любви. Я хотел ради нее жить… А она… Она растоптала наши чувства своим недоверием и неверностью… Она плевать хотела на мои клятвы и свои обещания… Она уехала с другим… Он позвал – и она побежала… Вот чего стоила ее любовь… Спустя семь лет она вернется в Россию… Прямо в мои руки… Я сделаю так, что вернется… Только она пока об этом еще не знает… Зато я знаю все наперед – что буду делать с ней, о чем спрашивать… Она ответит на все мои вопросы… Бэлла… Бэлла… Моя малютка… Продажная сука… Неверная… Чужая… Я имею всё на свете… Мне не достает только тебя… И я получу тебя обратно… Только теперь мне плевать на твою взаимность. Я больше не буду спрашивать – «да или нет», как спрашивал в наш первый раз… Я просто возьму. А ты дашь…

#Очень_откровенно #драма #тайны_прошлого #настоящие_мужчины #большие_поступки

Содержит нецензурную брань.

Иман Кальби

Алан. Скажи, что ты моя 2

Глава 1

Алан

Пятьдесят пять минут… Я уже давно вычислил оптимальное время… Пять минут на то, чтобы подойти от машины к стойке регистрации и взять заранее приготовленный ключ-карту. Еще пять – добраться на лифте до нужного этажа. Закладываю с запасом, потому что этих лифтов вечно приходится дожидаться, пока они не соберут всех постояльцев со всех этажей. Я всегда бронирую номер недалеко от лифта, чтобы быстро и легко было найти, не плутать по коридорам. Так что на то, чтобы зайти внутрь, максимум две-три минуты. Я даю ей обычно десять минут, чтобы привести себя в порядок и, если нужно, удалиться в ванную. Сам в это время наливаю себе что-нибудь выпить и расслабляю удавку на шее – так и не привык к этим галстукам, более напоминающим путы… Пять минут – прелюдия. Хотя нет, прелюдия – это громко сказано. Это время на то, чтобы она показала мне себя, чтобы я успел ее захотеть. Иногда она быстро раздевается, иногда пытается предпринять нелепые попытки возбудить меня зазывными танцами и движениями, иногда начинает неловкие беседы, которые я тут же пресекаю. Она здесь не для того, чтобы болтать. Двадцать минут – сам секс. Ровно столько мне хватает, чтобы утолить природный инстинкт. Без изысков, смакования… Быстро, по делу, так, как я хочу. На то, чтобы она быстро оделась, получила свои деньги и ретировалась из комнаты, – оставшиеся семь-восемь минут. На этом этапе она обычно демонстрирует скучную предсказуемость. Цепляется за них как за последний шанс. Пытается придумать нелепые поводы задержаться или просит дать ей время принять душ. Я галантно улыбаюсь и небрежно киваю в сторону комода у входа, где ее дожидаются честно отработанные деньги.

– Там не только гонорар, но и ключ от другого номера в этом же отеле. Иди прими душ там. Если хочешь, останься там на ночь, а с утра вкусно позавтракай. Номер оплачен. Спасибо тебе. Мне было хорошо.

Опытные и мудрые на этом моменте мило улыбаются в ответ и молча ретируются. Глупенькие и наивные в деланной обиде кривят губки, калькулируя в голове, как же все-таки было бы хорошо поймать такую крупную рыбу, как я. Именно калькулируют. У них там внутри аппарат, переводящий любые мысли в валюту. Я давно это понял.

– Вы даже имени моего не запомнили… – говорит она, ненароком проводя пальчиком по своему бедру, выпячивая зад, откидывая копну волос назад.

– Запомнил, – отвечаю я, закуривая не спеша и улыбаясь. Пока улыбаюсь, потому что восемь минут еще не прошли. Я еще готов терпеть ее назойливость.

– И как меня зовут?

– Тебя зовут Красавица. Ты очень хорошая и наверняка будешь счастлива, если одумаешься и начнешь заниматься чем-то дельным по жизни. Но это уже не моя проблема и не моя повестка. Прошу, оставь меня сейчас и уходи, пока я еще добрый и мягкий после секса…

На этом этапе ее глаза округляются в испуге, и она все-таки ретируется… А я, наконец, облегченно выдыхаю.

Она – это собирательный образ всех женщин на стороне, которые оказываются в моей постели. Эскортницы, шлюхи, простые потаскушки с вечеринок, готовые дать просто потому, что от тебя приятно пахнет и ты в хорошей физической форме. Я не помню их лиц, запаха, голоса… Для меня они все давно на одно лицо… Как и номера бесчисленных отелей, где я их регулярно трахаю отведенные из моего плотного рабочего графика пятьдесят пять минут.

Среди них, хоть и редко, но есть те, кто задерживается со мной чуть дольше. Не потому что я испытываю к ним мало-мальское чувство привязанности. Нет, просто в тот момент так удобно. Просто лень озадачивать себя или помощника поиском новой телки на раз. Но парадокс в том, что их имена я тоже не помню… Для такой категории девиц у меня есть специальный телефон, который кочует от одной к другой. И в записной книжке он фигурирует как «Красавица»… Так удобно… Когда я позвоню ей и скажу, чтобы к отведенному часу была у меня, не придется вспоминать ее имя.

Сегодня я хотел грубо. И девчонка, в принципе, дала все, что я от нее требовал, но… Удовлетворения и расслабленности, пусть и недолгой, не наступило. Я все еще был напряжен до предела, взбудоражен. Голова пухла от обилия мыслей, переживаний, воспоминаний…

Глава 2

Алан

Да, сегодня я вспоминал… Много вспоминал… А было, что вспомнить…

Я вспоминал то время, когда умер. Да, это было именно так. Я именно умер. Семь лет назад я, двадцатипятилетний парень, умер… Умер тот Алан, кто умел любить… Кто мечтал… Кто строил иллюзии и нелепые планы… Умер в ту минуту, когда стоял и смотрел, как мигают красные проблесковые маяки на фюзеляже самолета, плавно удаляющегося в направлении взлетно-посадочной полосы… Умер, когда бил что есть дури по стеклу в зале отлета в аэропорту.

Дальше вспоминать трудно. Все как в тумане. Я почти не помню шума от треснувшего и разлетевшегося на осколки стекла, не помню, как болели разбитые о него в кровь, до мяса, кулаки, не помню своего истошного крика, зовущего Ее обратно… Посылающего в темноту ночи мольбы вернуться, одуматься, дать нам шанс…

Я почти не помню, как оказался в кутузке за устроенный в аэропорту дебош. Совсем не помню, как меня оттуда вызволили. Не помню ничего… Только пустота, черная дыра…

Зато в памяти отпечатались мокрые, красные глаза матери, которая мне отчаянно шептала слова любви, обнимая и пытаясь успокоить… И я даже каким-то макаром умудрялся читать по ее губам «мой мальчик»… Только по губам, потому что в голове стоял такой гул, что слова я не слышал.

Говорят, все, что нас не убивает, делает нас сильнее. Но я не знаю, стал ли сильнее после того кошмара. Окружающие уверены, что да. Что спустя два месяца после депрессии я проснулся другим человеком. Я же в глубине души убежден, что нет. Не проснулся. Просто умер… Умер Алан… Меня больше нет… Того парня больше нет…

Зато есть успешный, циничный бизнесмен. Один из крупнейших застройщиков столицы и юга России. Не боящийся проигрыша и вызова. Не щадящий врагов. Не уважающий слабаков и не протягивающий им руку, потому что по моим законам выживает только сильнейший. Я на своем месте. Про меня говорят за спиной:

«что не взял деньгами и хитростью, возьмет кулаками и силой». И ведь правда. Бойцовский опыт очень пригодился мне при создании своей империи. Эльдар был прав – у борца свой особенный кодекс жизни, который открывает двери там, где другие этих дверей даже не видят. Знаете, почему? Потому что на самом деле там этих дверей нет. Мы создаем их сами, выбивая кулаками в стенах. Меня боятся. Передо мной лебезят. Меня облизывают. А я даю им это право.

Мама бы хотела мною гордиться, наверное. А что? Я ведь пошел в итоге, можно сказать, по ее стопам. Я не борюсь на ринге. Я строю дома, как и она. Но ей все равно почему-то не нравится то, чем я занимаюсь. И она недовольно поджимает губы всякий редкий раз, когда мы встречаемся и заходит разговор про мою жизнь… Отец тоже продолжает оставаться всем недовольным. Надоели. Вечно их все во мне не устраивает. С самого начала, с детства… Иногда мне кажется, что это все – результат обстоятельств моего рождения. Алмаз так до конца и не простил ни мне, ни матери фактор присутствия Арсена в нашей жизни… Но если ей с его стороны уже поздно озвучивать свои претензии, то мне их озвучивать изначально просто смешно… Я не был виноват в том, что моя мать, будучи замужем за другим, спуталась со своей первой любовью и родила меня, скрыв это от моего биологического отца. Если что, первая любовь – это Алмаз, мой родной отец, нынешний муж моей матери. Арсен Капиев – мой отчим, бывший муж моей матери, воспитывавший меня до трех лет, принявший меня как родного, потому что всегда любил мою мать. Если объективно, то Алмаз не простил ни Камилле того, что скрыла факт моего появления от него, ни мне, что называл когда-то папой другого. А мама… Мама не простила мне того, что Капиев вошел в мою жизнь во второй раз. Это произошло, когда я перебрался из Штатов в Россию. Именно он вместе с бизнес-партнером Эльдаром помог мне построить империю, во главе которой я теперь стою. Они, а не мать с отцом, стали моей поддержкой и опорой. И, наверное, этот факт уже они оба – ни Камилла, ни Алмаз – мне тоже никогда не простят… Только не нужно мне их прощение. Произошедшее – результат их ошибок молодости. Я не виновен в том, что они наворотили… Я строил свою жизнь, как мог… Я не хотел пожизненно прятаться в тени одного из них…

Да, сегодня действительно день воспоминаний… Хороших и не очень. Но даже не родителям они сейчас посвящены… Все мои мысли о другой… О той, у которой, в отличие от этих, было Имя… Той, кто тогда, семь лет назад, всадила в мое сердце нож, предав… Кому я клялся в любви, ради кого я хотел жить, а Она… Она растоптала наши чувства своим недоверием и неверностью. Я отчаянно тянул к ней руки, умолял верить, а она… Она плевать хотела на мои клятвы и свои обещания. Она ушла с другим… Он позвал – и она побежала. Вот

чего стоила ее любовь…

Я хорошо помню тот день, когда несся к ней, бросив свою новоиспеченную жену прямо после ЗАГСа, потому что истинной женой считал ее, мою Бэллу… Мы должны были лететь в Канны. Оттуда на яхте по Лазурному берегу – к Амальфийскому побережью, в Позитано… Только вдвоем… Я хотел туда с ней… Хотел отвезти ее на море мечты, как обещал. Это с ней у меня должен был быть медовый месяц. Готовил этот сюрприз моей малютке заранее. А она… Она сбежала от меня…С другим… Оставив с разбитым окном в аэропорту и разбитым сердцем…

Спустя семь лет она вернется в Россию… Прямо в мои руки… Я сделаю так, что вернется… Только она пока об этом еще не знает. Зато я знаю все наперед: что буду делать с ней, о чем спрашивать. Она ответит на все мои вопросы…

Прикрываю глаза, изо всех сил, до рези, так, что ресницы прогибаются… Представляю ее… Я помню в ней всё – до самой последней детали… Член снова болезненно напрягается в штанах. Я яростно его сжимаю.

Бэлла… Бэлла… Моя малютка… Продажная сука… Неверная… Чужая… Я имею всё на свете… Мне не достает только тебя… И я получу тебя обратно… Только теперь мне плевать на твою взаимность. Я больше не буду спрашивать «да или нет», как спрашивал в наш первый раз. Я просто возьму. А ты дашь…

Глава 3

Алан

Я запрещал себе эти годы думать о ней. Запретил в тот самый день, когда узнал всю правду… Узнал, как она мило ворковала с соседом-иностранцем по квартире все это время, как они проводили вместе часы напролет… Когда Эльдар тряс перед моим носом фотографиями, пытаясь вернуть меня в сознание из затянувшегося коматоза, ее лицо на них расплывалось в моей голове жирными уродливыми кляксами, которые коверкали ее улыбку, коверкали ее ангельски-искреннее, открытое выражение лица… Коверкали этот нежный,

обволакивающий взгляд лани… Я думал, она только мне так улыбается… Только на меня так смотрит… Я думал, она такая только со мной… Нет, сука, нет… Рядом с ней был Он… Чужой взрослый мужик… И она была с ним точно такой же, какой была со мной… Лох, какой же я лошара…

– Что ты хотел, Алан… Вебкамщица… Я говорил тебе… Предупреждал… Красивая и продажная… Актриска, одним словом… Умеет играть и притворяться… Иначе бы не была так популярна в своем ремесле…

– Она любит меня. Я знаю… – смог промычать я не своим голосом в ответ. Губы плохо меня слушались, потому что все эти недели я просто молчал. Просто лежал овощем там, в нашей квартире, в нашем с ней мире… Среди ее вещей… На кухне все еще оставалась приготовленная ею еда – и я ел её, растягивая по кусочкам, пока она не стала вонять от того, что протухла… Я не менял постель, все еще хранящую ее запах… Я каждый день перебирал ее одежду и внюхивался, внюхивался, внюхивался… Я часами напролет сидел в ее мастерской, рассматривал и заучивал наизусть ее наброски: удачные и не очень, перечерканные в порыве эмоций, неоконченные или, наоборот, доведенные до художественного перфекционизма… Я жил Бэллой… Я продолжал дико любить ее и ненавидеть… Тогда еще я верил, что она тоже любит…

Я перестал витать в облаках в тот момент, когда произнес эти три гребанных слова «она любит меня» вслух. Перед Эльдаром… В один момент моя картина мира рассыпалась на мелкие осколки, вернув в самое наше с ней начало – Чехия, бой, октагон, Барин, сидящая рядом высокомерная красотка с плохой репутацией… С чего я взял вообще, что она ангел? Как она заставила меня в это поверить? Она ведь соблазняла, провоцировала, заставляла съезжать с катушек. И не только меня… Сколько мужиков сворачивали шеи, когда она шла мимо по жизни, сколько отчаянных фанатов из веба искало с ней встречи и сходило с ума от желания? И это только то, о чем я случайно узнал, о чем догадывался… Этот ее торгаш с Горбушки, Кесарь, Давид…

Сейчас я вспоминаю Давида и жалею, что все так произошло… Что я не поверил ему тогда… Что решил, что это он плохой, а не она вела свою хитрую партию, соблазняя его. Чего она добивалась? Ревности моей? Запасной аэродром искала? Или просто игралась – ей забавно было наблюдать, как мы бы глотки друг другу за нее перегрызли?

Его тело нашли возле брошенной и все еще заведенной машины у одного из подмосковных озер. Парень сам застрелил себя из собственного травмата… Всадил заряд в висок… Его глаза были все еще открыты, когда его паковали. Я не видел это вживую, потому что на момент обнаружения трупа как раз переживал первую, самую жуткую, волну ломки по ней… Первая неделя после ее побега далась тяжелее всего. Я видел снимок… Потом… Долго смотрел на фото друга, первого близкого мне в Москве человека, которого потерял из-за этой суки. Это ведь она виновата. Это ведь я из-за нее в одночасье перечеркнул всю его жизнь, его карьеру, его работу… Сделал так, что он не выдержал и пришиб себя… Я мудак… Мне нет прощения… Его смерть теперь всегда будет нависать надо мной неискупимой виной . А она… Может, и прав был Эльдар? Может быть, от генетики действительно никуда не уйдешь? Может, это карма такая у ее семьи, причинять людям зло? Сирена… Сирена… Вот кем она была. Бэлла была настоящей сиреной, прельщающей мужчин наивным и невинным видом, а в итоге обрекающей их на верную смерть… Потому что погиб ведь не только Давид. Я тоже был мертвецом…

У меня долго получалось не думать обо всем этом… На какое-то время действительно смог отключить голову, канализировав поток мыслей… Но в последнее время они вновь и вновь вели меня к той самой точке отсчета, словно бы это была ленточная петля, песня на репите, которую не выключишь, как в фильме ужасов… Я помню эти кадры, как вчера… До мельчайших подробностей. До самых неважных деталей. Как на замедленной съемке.

ЗАГС. Полдень. Жарко. Я не смотрю на Милену, разодетую в нелепое белое коктейльное платье, не слышу пресных поздравлений ее родственников. Своих я даже не удосужился позвать на этот фарс. Все мои глаза в телефоне… Я предвкушаю, как сейчас выйду отсюда, пошлю их всех на фиг, сказав, что свой долг я исполнил и чтоб в ближайшие две недели забыли о моем существовании, а сам рвану к ней – забрать малютку и в аэропорт. Навстречу морю и нашей любви… А потом телефон начинает выдавать какую-то странную ее активность. Я, конечно же, после последнего инцидента с ее пропажей с радаров поставил на айфон Бэллы программу слежения и теперь видел ее геолокацию. Сначала телефон сообщил о том, что она покинула радиус дома, а потом… Потом я в режиме реального времени смотрел и не верил своим глазам. Моя девочка зачем-то едет в аэропорт… Может быть, она знает, что мы едем отдыхать? Но как? Может быть, срочные дела дома? Не выдержал. Поспешно распрощался со всеми и рванул за ней следом. Не верил, когда в окне зоны посадки увидел ее удаляющуюся фигуру с каким-то хмырем, держащим ее за плечи, словно она могла упасть… Я отчаянно звал ее назад, вопреки увещеваниям службы

безопасности, я надеялся, что она хотя бы почувствует, обернется, обратит на меня внимание… Ничего… Пустота… Ее сердце осталось глухо к моей мольбе. А мое… Мое рассыпалось на осколки вместе с тем проклятым стеклом…

Помню, как пришел в себя спустя два месяца… Да, именно два месяца понадобилось мне, чтобы принять факт того, что Бэллы больше нет в моей жизни. Несмотря на то, что было непросто отследить, кто этот хмырь, что был с ней, мне удалось это сделать через людей Эльдара. Посольство Франции ушло в молчанку, ссылаясь на свои ориентировки безопасности, мол, они не выдают данных о своих сотрудниках. Арендодательница тоже не знала ровным счетом ничего – она годами сдавала квартиру через фонд жилья для дипломатов и лично даже не взаимодействовала со своими жильцами. Тогда я тупо стал требовать записи со всех возможных городских камер наблюдения… Какие-то концы удалось отыскать через Интерпол. У них есть база на всех граждан Евросоюза, но и там следы уходили в никуда… Ответ пришел от Снежаны. Она сама позвонила мне. Аккурат через два месяца после случившегося.

– Не ищи их, Алан, – сказала тихо, – хватит этой боли… И тебе, и ей… Она не твоя женщина, а ты не ее мужчина, раз выбрал не ее. Отпусти… Живи со своим выбором…

– Я не могу ее отпустить… Я люблю ее… – только лишь смог тогда простонать я в ответ. Но внутри клокотал другой ответ. Знала бы она, почему я сделал этот проклятый выбор… Знала бы она всё… Но я не мог ей этого сказать. Потому что взял на себя ответственность сохранить эту тайну. Потому что какой бы Снежана ни была подругой, я не мог рассказать ей то, что знал сам. Это было бы предательством… И даже не Бэллы. Матери ее, которая лишилась обеих дочек из-за грехов мужа…

– Она сделала свой выбор, Алан. Если и правда любишь, то примешь его… Только потому, что любишь, ты должен дать ей возможность уйти.

– Как долго будет больно? – спросил я после долгой паузы, чувствуя, как в легких словно бы осколки стекла вместо воздуха…

– Долго… – тихо ответила она, все это время терпеливо держа трубку и будто бы слушая мою ментальную боль.

И мне почему-то казалось, что она действительно ее слышит…

На первый день третьего месяца я вылез из берлоги. Побрился. Помылся. Привел себя в порядок. Поехал к жене, которая уже перестала мне названивать за это время, отчаялась. Завалился в так называемый свой «новый дом», в квартиру, отстроенную для нашего гребанного «семейного гнездышка»… Туда, где я был от силы раз еще до встречи с Бэллой и куда Милена ни в какую не могла меня затащить на стадии ремонта, обижаясь всякий раз, что я говорю ей, что мне плевать, какого цвета будут стены в коридоре и как будет стоять диван в гостиной.

Я не говорил с ней. Просто поставил раком над столом в кухне и жестко трахнул без прелюдий. Она была девственницей. Ей было больно. Я помню это по ее плачу, мольбе, по количеству крови. Но мне было наплевать… Я ничего не чувствовал. Делал это автоматически, а в голове вибрировала лишь одна фраза: «Сука Бэлла, сука… Я смогу без тебя… Я буду без тебя… Обязательно буду»…

И был жалким в собственных глазах. Потому что уже тогда знал, что не смогу.

Я не чувствовал на своей голой груди пальцы моей жены, которая льнула ко мне, дрожа и превозмогая боль в тот же вечер, когда мы легли в наше «семейное ложе». Я вообще ничего с ней не чувствовал. Словно рядом была не живая женщина, а кукла.

– Мне было с тобой очень хорошо… – говорила она тихо, борясь с подступающими слезами.

А я даже смотреть на нее не хотел. Тошно было. Курил сигарету за сигаретой.

– Не пизди… – выдохнул с очередной струей дыма.

Встал. Натянул джинсы и в тот вечер в первый раз поехал в отель – жарить какую-нибудь шлюху.

Так и жили… Милена имитировала оргазмы, а я – семейную жизнь. Я продолжал время от времени, в перерывах между сексом с бл…дьми, сношать свою жену –

только потому, что хотел доказать Ей, живущей где-то там, далеко и счастливо, нежно смотрящей на своего мужика, улыбающейся ему так же, как улыбалась когда-то мне, что у меня тоже все хорошо…

А потом родилась Кира. Это было неожиданно и… странно. Даже когда Милена ходила с животом, я не мог понять, почувствовать, что у меня будет ребенок… До меня попросту не доходило это осознание. Я ничего не ощущал… Не чувствовал ничего, когда взял маленький черный орущий комочек в роддоме. Не чувствовал в первый год, когда жена сходила с ума от бессонных ночей и перманентного крика ребенка, а я сваливал из дома на недели, чтобы только держаться подальше от этого стрессняка… А потом вдруг эта маленькая девчонка со смешными кудряшками протянула ко мне свои ручки и сказала нежным голоском «папа»… И внутри, наконец, что-то потеплело… Любовь накрыла… Привязанность, нежность… Я стал, наконец, проводить больше времени дома. И теща с триумфально-важным видом смотрела на меня, а в глазах читалось «ну вот, я же говорила. Страсть пройдет, а семья останется». Ни х…я она не знала… Всякий раз, когда я смотрел на Киру, мое сердце, помимо прочих чувств, обливалось кровью и болью, потому что у моей дочери не было Ее глаз, Ее улыбки, Ее волос… Это больно… Это, сука, очень сильно больно – вот так жить воспоминаниями и сожалениями о другой.

Наврал самому себе, что она – ничто… Мираж… Что ее никогда не было… Это просто сон… Мне снова на какое-то время удалось как-то жить… Я ушел с головой в работу. Мне фартило и перло в бизнесе. Сам не понял, как быстро и беспроблемно я так высоко поднялся. Пусть и при поддержке Эльдара и Капиева, но все же на каком-то этапе отрицать то, что я пошел намного дальше их и выше, что открыл двери, которые перед ними в силу определенных обстоятельств и их темного полукриминального прошлого были закрыты, нельзя… Ученик превзошел учителей. И они, казалось, этим даже гордились.

Все снова полетело к чертям месяц назад, когда я был в Венеции. Приехал на Биеннале современного искусства. Мы снова взяли несколько крупных тендеров, на этот раз на редизайн. Крайне интересная тема, в которую я только входил. В Москве удалось выкупить два крупных заброшенных завода. Локация – супер. Центры современного искусства, фуд-корты, лофты… Все это было уже заезжено, избито… Я хотел большего. Меня позвали пообщаться по моим задумкам «на полях» мероприятия с несколькими интересными специалистами в сфере редизайна. Идея была в том, чтобы заманить в проект несколько громких

имен в мире дизайна и на этом выстрелить. Мне было не жаль денег даже на самые рискованные проекты. Такие инвесторы обычно манят талантливых. Идеальный симбиоз искусства и бабла.

После серии встреч, накануне вылета обратно, я все же решил посвятить немного времени себе. Отпустил помощников, переоделся в неформальную одежду и отправился просто погулять вечером по выставке самостоятельно. Давно так не делал. Власть заставляет нас обрастать пафосом и делает нас грузными и неповоротливыми.

Я помню то самое ощущение… Падающего в обрыв поезда… И я за рулем…

Она была там… Я понял это не сразу. Сначала почувствовал дикий укол в сердце. Словно бы действительно взяли шприц и всадили иголку внутрь… А потом почувствовал, как все перед глазами рассыпается на осколки. Бэлла была не одна. С ней рядом шли какие-то великовозрастные тетки, с которыми она свободно говорила на французском, нежно улыбаясь и комментируя экспонат за экспонатом. Я оторопел, завис на ней… Словно был не в этом мире, словно растворился в воздухе… Я жадно вглядывался в ее лицо… Изучал ее красивое тело, обретшее с годами еще больше женственности… Бэлла была ошеломительно красива. Била под дых… Не знаю, может быть, только для меня. Да, нет, не только для меня… Она всегда была красивой, и все эту ее красоту видели.

Когда она оказалась неприлично близко, дернулся… Понял, что не могу, просто не могу сейчас с ней встретиться. Я был не готов к этому нокауту… Не знал, что делать, как себя вести… Как ошпаренный выскочил быстрее наружу. Помнил, как стоял у Гранд-Канале, отойдя от места проведения Биеннале на безопасное расстояние, и дышал… Жадно, с одышкой, полной грудью… Впервые за эти семь лет я смог дышать полной грудью… Впервые почувствовал себя живым. Опустил зачем-то глаза на свои руки и только сейчас обратил внимание на шрамы на костяшках пальцев от когда-то разбитого мною стекла в аэропорту. В тот момент я и понял, что Бэлла вернется в мою жизнь. Я ее верну… Чего бы это мне ни стоило и что бы она сама ни думала на этот счет. Она должна мне… Должна мне мою жизнь обратно… И для этого я заберу себе ее…

Глава 4

Бэлла

Лето. Солнце. Зелень. Лазурная гладь большой воды слева. Я еду по серпантину – и мне хорошо, легко, спокойно… На душе тепло… Мне нравится здесь. У нас любят говорить «где родился, там и пригодился», но… Со мной все пошло изначально не так. Даже это самое «у нас» звучит нелепо – никогда в моей жизни «нас» не было. Разве что только с Айзой. Но и она ушла от меня, не объяснившись, оставив позади только сердечные раны, которые столько лет пытается мне залечить психолог.

С появлением в нашей жизни Ниццы ему это почти удалось. Все-таки правильным было решение переехать, как ни крути. Я счастлива, что мы решились на этот шаг год назад, несмотря на увещевания парижских друзей, что жить на Кот д'Азур (франц. – лазурное побережье Франции) – моветон. Французы правда очень скептически относятся к своему южному берегу Средиземноморья, считая, что он давно и безнадежно испорчен заполонившими его русскими нуворишами (франц. – недавно разбогатевшие), богатыми безвкусными арабами, вульгарными проститутками и нечистоплотными торгующими наркотой беженцами из Северной Африки. Местные больше предпочитают всегда прохладный серебристый океан Нормандии на Севере Франции. Наверное, потому что он так похож на их национальный облик – красивый, сдержанный, слегка высокомерный и всегда облаченный в особый небрежный шик…

Мне нравятся французы. Я чувствую себя среди них гармонично и комфортно. Уже как семь лет чувствую. Наверное, во многом потому что сама – вещь в себе. Потому что сама люблю сдержанность и уважение личных границ. Не люблю, когда лезут в душу и пытаются там копаться… Мне нравится этот незримый стильный кокон, который позволяет выстраивать вокруг собственной личности французская ментальность. И в то же время я чувствую, как внутри меня, там, глубоко в душе, все же теплится уголек искренности, открытости, горячности, которые так любят демонстрировать в России. Зато здесь, у южных берегов, где не нужно прятать кожу под стильные, неизменно черные, пиджаки оверсайз или кардиганы из высокосортного мериноса, не нужно красить ало-красным губы на бледном лице, не нужно делать небрежно-идеальную укладку даже для утреннего похода в булочную, а можно просто накинуть на себя белый лен разлетающегося платья и нырнуть в удобные сланцы, когда волосы растрепаны на буйном соленом воздухе, а кожа покрыта легкими веснушками – поцелуями

солнца и легко-липкой дымкой влажного воздуха, я чувствую, как эти самые угольки в душе прогреваются, продолжают тлеть и давать мне внутреннюю энергию. Здесь я искренна сама с собой… И что самое важное, мне легко в этой самой искренности, не страшно, как это часто бывает в Париже, стоит только заглянуть внутрь себя, начать рыться в том, что было далеко спрятано в ментальный чулан.

Машина делает очередной вираж – на опасном повороте меня обгоняет резвый кабриолет со знойным итальянцем за рулем, я вижу это по цифрам его еврономера, а еще по несдержанному интересу, которым он одаривает меня, стоит только нашим машинам поравняться. Он улыбается мне, и я невольно отвечаю, но без заигрывания, просто приветливо, просто потому что мне приятно. Мы оба понимаем, что это ни к чему не обязывающий флирт, красивый комплимент незнакомой девушке на улице – то, за что американцы теперь часто пытаются стигматизировать мужчин и даже обвинить в «харассменте» (англ. – домогательства, приставания), а ведь такие невинные знаки внимания порой так нужны женщинам для хорошего настроения.

Но итальянцы такие, они умеют находить радости в мелочах жизни, умеют заставить улыбнуться. И за это я их тоже люблю. С недавних пор полюбила. Моя жизнь теперь тесно связана с поездками на итальянский север. Во многом этим и был мотивирован наш переезд на Лазурку (прим. – жаргонизм, которым многие русские обозначают Лазурный берег Средиземноморья). Все началось с интересного проекта моих бывших сокурсников по Архитектурной школе Парижа, они на совместный бюджет выкупили часть здания старинной фабрики в миланском районе Навильи – центре притяжения креативной молодежи со всего европейского континента, месте, где переплетается бьющая через край ночная энергетика города и его творческая душа. Навильи, выгодно расположенный возле исторического центра и намного более демократичный по ценовой политике, чем другие известные районы, изобилующий интересными объектами, ранее имевшими промышленное назначение, стал в последние годы своего рода центром паломничества архитекторов, дизайнеров, любителей городского урбанизма. Свои офисы здесь стремятся открывать ведущие итальянские бренды, а модные лофты заселяются яркими, неординарными обитателями. Свобода, молодость, толерантность – вот лозунг этих никогда не спящих шумных улиц, огибающих старинные водные каналы. Друзья предложили мне принять участие в создании дизайна отеля. Концепция мне сразу понравилась: каждый этаж как тематическая выставка современного искусства, со своей идеей, со своей фишкой. Мы работали над проектом полтора года. Первые шесть месяцев я могла координировать работу из Парижа, но

потом стало сложно. Нужно было хотя бы пару раз в месяц выбираться на объект – и тогда мы с Робертом все-таки приняли решение о переезде. Тем более что это нужно было и ему. Врачи говорили, морской чистый воздух пойдет ему на пользу… Он тоже это понимал, поэтому немного сбавил обороты на работе, дал и себе возможность перевести дух. Наш выбор пал на Ниццу – компромиссный вариант, пять часов на поезде до Парижа для него, четыре часа до Милана для меня.

Я продолжала лавировать на комфортабельной трассе, невольно любуясь красотой живописной дороги. Мой авто-поклонник ушел, наконец, влево, в направлении Рима, а я продолжила путь домой. Именно домой. Там меня ждут. Там тепло…

Дом встречает меня веселым щебетанием птиц в нашем микроскопическом саду на подъезде. Я захожу на порог, скидываю успевшие поднажать лоферы и наслаждаюсь ощущением теплого деревянного пола под босыми ногами. На нем играют солнечные зайчики, и я улыбаюсь им в ответ, потому что знаю, что они мне тоже рады. Слышу писк сушилки в прачечной. Кидаю сумку при входе и направляюсь сразу туда. Открываю барабан, вытаскиваю горячее белье, нежно согревающее мой живот, когда я прижимаю его к своему телу, чтобы не упало, и скидываю его на гладилку. Придет Марион и все погладит. А может, и я сама. Я люблю гладить. Вообще люблю заниматься домашними делами, когда есть время. Часто именно во время подобных хлопот рождаются классные дизайнерские идеи, которые я часто бегу записывать мыльными или обмазанными тестом пальцами.

Иду в спальню. Роберт спит. Перед ним открытый ноутбук. Значит, вставал, работал и снова заснул. Конечно, вставал – кто бы еще засунул белье сушиться… Закрываю крышку Мака и опускаюсь рядом с ним. Целую в щеку. Он приветливо мычит в ответ.

– Иза… – слышу его бархатный голос и улыбаюсь.

Он лежит спиной ко мне, но я точно знаю, что и он улыбается в ответ. А потом вздрагивает, окончательно пробуждаясь. Приподнимается, ворча.

– Ты почему не позвонила, что выехала? Я думал, ты только к вечеру приедешь… – Поворачивается ко мне, заключая в объятия.

Я пожимаю плечами.

– Доделала все дела и решила больше не задерживаться в Венеции без тебя. Соскучилась по дому… Не звонила, потому что хотела выехать на рассвете и знала, что ты толком не поспишь, будешь волноваться за меня… А я не люблю, когда ты волнуешься, Роберт.

Он нежно обнимает меня и целует, а я перебираю его чуть отросшие волосы. Ницца нам обоим дает возможность не думать об идеальности линии стрижки или свежести маникюра. Кстати, у меня его давно нет… И мне так нравится намного больше.

– Сварить кофе? – спрашиваю с улыбкой.

Он улыбается в ответ.

– Спрашиваешь…

Через пятнадцать минут мы сидим на нашей маленькой уютной кухоньке, пьем кофе и едим омлет. Я невольно то и дело удовлетворенно осматриваю пространство вокруг. Мы сняли этот небольшой домик с видом на море на горе, как только переехали в Ниццу. Вернее, это скорее ее пригород, но здесь довольно размытое понятие города, поэтому разделение только условно – скорее, просто у нас менее густая застройка, вот в чем преимущество. Дом был довольно запущенный и явно сдавался по завышенной цене, но стоило мне зайти сюда, я сразу поняла, что хочу здесь обосноваться. Полмесяца работы – легкий косметический ремонт, смена части мебели и аксессуаров – и все здесь заиграло удивительными красками лета. Роберт еще не знал, но я хотела сделать нам обоим подарок, после получения гонорара по завершении проекта выкупить его для нас… Конечно, если бы я хоть раз заикнулась, что хочу его на постоянку, он бы и сам купил его в тот же день, мой муж – щедрейший человек, идущий на поводу у любой моей прихоти, но мне хотелось сделать это самой, на свой первый крупный гонорар – на деньги, которые я получила за первую свою столь важную работу, открывающую мне путь на совершенно другой профессиональный уровень.

– Как все прошло на Биеннале? – спрашивает Роб.

– Замечательно. Даже не ожидала такого ажиотажа. Проект еще не открыт, а критики уже говорят, что мы – серьезная заявка на победу в «Best for Life Design Forum and Award» (прим. – престижная итальянская премия в сфере архитектуры и дизайна). Посмотрим… Но поездка была плодотворной. Много с кем удалось пообщаться, обменяться контактами, поделиться опытом… Знаешь, это чертовски приятно, когда твое имя начинают узнавать и даже уже прорабатывают возможности работы по новым проектам…

– Это классно, – ответил Роберт, но как-то странно, озабоченно. Я сразу почувствовала, что-то не так… Слишком хорошо его знала. – Но ты же пока ничего конкретного не рассматриваешь по новым объектам?

Я отрицательно покачала головой.

– Нам бы этот завершить в сроки. Так что пока только разговоры… А что? Что-то случилось? – Почему-то, когда я задавала этот вопрос, кончики пальцев похолодели. Нехороший знак. У меня всегда бывало так, когда на душе появлялось недоброе предчувствие…

– Иза, нам нужно поговорить, дорогая…

– Слушаю тебя, – сказала каким-то не своим, дрожащим голосом и сглотнула нервно.

– Ты заканчиваешь проект в течение месяца…

– И?..

– Я тебе сейчас скажу одну вещь… Ты пока можешь не отвечать, но подумать стоит. Мне предложили очень важный и интересный проект…

– Это же супер! – воскликнула я, чувствуя, как напряжение немного отступает.

– Подожди, дослушай… – После небольшой паузы продолжил: – Речь идет о переезде, – взгляд на меня. Испытующий. Вкрадчивый, – переезде в Москву. Год, Иза… Речь идет о годе. Может быть, полуторе лет. Не больше и не меньше… Что думаешь?

Я молчала. Слова его вроде бы и дошли до моего сознания, но никак не осаживались…

– Полтора года это срок…

– Может, удастся управиться за год, – поспешил он добавить.

– И это тоже срок…

– Именно поэтому я и хочу, чтобы мы подумали об этом вместе. Разумеется, я не хочу оставлять тебя здесь одну так надолго. Раз у тебя заканчивается проект, может быть, поедем вместе?

Его вопрос звучал кощунственно… Роберт знал, что я не отпущу его самого… Не сейчас, после того, как… После того, как два года мы боролись за его жизнь. Столько всего прошли вместе… Я до сих пор, как в страшном сне, вспоминаю тот день, когда нам сообщили об онкологии… Подготовка к операции, химиотерапия, реабилитация… И после этого он спрашивает меня, брошу ли я его одного?!

– Это обязательно, Роб? Почему все не может быть так, как есть? Зачем нам куда-то ехать? – спросила я умоляюще. Мысль о России невольно отразилась в моей душе таким ворохом разных эмоций, что голова закружилась. Я пока просто запрещала себе задумываться об этих чувствах.

Его лицо стало сосредоточенным, он отвел глаза в сторону, сморщил лоб. Тоже нехороший знак…

– Обязательно, Иза. Я не говорил тебе… Не хотел, чтобы ты переживала, но… Дела у компании совсем плохи. Я… выпал из процесса по понятным причинам. Марсо оказался тем еще сукиным сыном – десятки невыполненных договоров при стопроцентном авансе… Все плохо, дорогая… Долги, неустойки, суды… Самому мне уже не всплыть… Боюсь, и квартиру парижскую придется выставить на торги… Это предложение, дорогая, наше спасение… Я глазам своим не поверил, когда получил этот звонок. На меня вышли бывшие работодатели по линии Посольства Франции. У них есть крупный российский партнер, который желает сделать интеграционную сеть системы безопасности на всех своих

объектах. Это большая сумма, Иза… Это серьезная заявка о себе спустя пару лет застоя. В моем бизнесе непросто вернуться на ту же ступень после таких провалов, какие устроил Марсо, но… Это даст мне шанс.

Я молчала, рассматривая свои ногти… Я не хотела этого, как же я этого не хотела… Он знал, он ведь знал, что Россия для меня – это красная линия…

– Ты можешь не ехать, Иза… – сказал он и нежно коснулся моего подбородка.

Я с силой сжала пальцы в кулаки.

– Ты тоже можешь не ехать, Роберт! Я получу гонорар! Большой гонорар! Не хотела тебе говорить, но в моих планах было выкупить на эти деньги этот дом, но… если нужно, давай вложим их в твой бизнес, не знаю… А вообще, может, пора начать жить для себя? Отдыхать? Мы могли бы выкупить этот дом и… жить здесь… постоянно…

Я посмотрела на него умоляюще… От его реакции сейчас зависело все…

– Иза, я мужчина! Я не могу зависеть от женщины! Я привык зарабатывать деньги и чувствовать себя лидером, а ты пытаешься превратить меня в овоща на таблетках! Лучше уж тогда было сдохнуть от рака, чем вот так вот… унижаться сейчас…

Он встал резко из-за стола, а я еле сдержала слезы… Впервые в жизни Роберт заставлял меня плакать… Хотя нет, вру… Второй. Первый раз это произошло, когда я узнала про его диагноз – онкология почки второй стадии… Мы многое прошли за эти два года… Слишком многое, чтобы сейчас взять и отпустить его одного туда, в холодную Россию… К тому же… К тому же я знала, что нужна ему рядом. Таблетки, постоянный мониторинг его состояния. Роберт относился к той категории мужчин, которые всегда попустительски относились к своему здоровью…

Я ушла в спальню. Решила прилечь. В голове гудело. Резко задернула шторы – теперь веселые солнечные зайчики мне казались навязчивыми и раздражающими.

Роберт пришел минут через пятнадцать. Лег рядом. Он всегда отходил быстро. И всегда извинялся, когда перегибал палку.

Почувствовала его большие теплые руки на своей талии. Поцелуй в шею поверх волос.

– Иза, тебе это тоже нужно, не меньше, чем мне… Ты сама прекрасно это понимаешь, только не хочешь в этом признаться самой себе… Психолог давно тебе сказал – ты победишь свои страхи и залечишь свои травмы только тогда, когда посмотришь им в глаза. Хватит прятаться от того, что было… Москва не виновата в том, что произошло… Это всего лишь город. Город, где, кстати, началась и наша с тобой история. Прошлое беззубое, Иза… Так всегда говорила моя бабушка… Это только тени в шкафу от старых вещей, которые кажутся в темноте опасными монстрами… Пора повзрослеть, Иза… Переступить и двигаться дальше…

Глава 5

Бэлла

Переступить и двигаться дальше… Как просто это звучит. Как обидно просто… И как сложно на поверку… Иногда так легко сделать всего один шаг – и ступить в бездну… Тогда, семь лет назад, я была готова расслабить пальцы на железных перилах моста и безвольной тряпкой уйти на дно Москва-реки, а сейчас… Сейчас я отчаянно хочу держаться за любую опору… Я судорожно ищу руками, за что бы зацепиться, потому что боюсь… Боюсь упасть. Пусть внизу и мягкая перина из его поддержки и заботы… Но не боль от падения мне страшна. Мне страшно повредить эти самые заботу и поддержку… Разбить их, уничтожить…

Да, именно так… Они для меня слишком дороги, они слишком важны в моей жизни. Я в буквальном смысле осязала их, чувствовала… Эта забота – его руки, большие, всегда теплые руки… Его осторожное, нежное дыхание. Не шумное и порывистое, сносящее все барьеры и заставляющее мозги отключаться, как у Другого. А утихомиривающее, убаюкивающее, плавное… Эта поддержка – его лучистый взгляд, подбадривающий, в меру игривый, в меру солнечный и в то же время серьезный, сосредоточенный, мудрый и все знающий… Это штиль, это

покой, это спокойствие… Не гроза, буря, ураган, которые всякий раз засасывали меня в воронку хаоса и анархии, как у Другого…

Роберт… Мой ангел… Именно так я его и называла про себя… И не потому что это игра слов на его фамилии – Ангелов… Потому что он и правда стал для меня ангелом-хранителем… Моим спасением… Тем, кто крепко взял за руку там, на мосту, в шаге от бездны… Тем, кто крепко держал все эти годы… Даже тогда, когда ему самому нужна была поддержка и опора.

Я плохо помню свои первые месяцы во Франции. Плохо помню, как он привез меня в свою парижскую квартиру, как терпеливо ждал моего выхода из состояния шока и опустошенности… Как осторожно и деликатно вводил в новую жизнь. Знал, когда нужно помолчать вместе со мной, знал, когда можно вызвать у меня легкую улыбку своими нелепыми и милыми, не по возрасту, шутками и забавным акцентом… Все он про меня знал, все понимал, мой мужчина… А ведь это только сейчас я могу вот так смело и открыто его так называть. Первые семь месяцев нашей совместной жизни я даже мысли такой допустить не могла… Словно бы мое женское «я» от меня отрезали, словно бы оно осталось там, в брошенной квартире в Москве…

Я совру, если скажу, что это не так. Ведь и правда, часть меня действительно осталась там. Часть, которая умела любить по-другому, чувствовать по-другому, даже дышать по-другому… Все это теперь у меня иначе. Все в других тональностях, в другом мироощущении. Та я, малютка Бэлла, его Белка, умерла… Зато родилась новая женщина – Изабелла Ангелова, или Иза, как он любил мена называть, и мне нравилось. Новой мне это имя очень подходило… Его придумал Роберт… Сказал, что оно очень распространено на юге Франции и в Италии. А еще оно красиво подходило под мой творческий образ…

Но все это пришло далеко не сразу. Совсем не сразу. Перед тем, как родилась Иза Ангелова, перспективный дизайнер, любящая жена состоявшегося мужчины, прошел немалый срок… Роберт ждал… И ни разу даже вида не показал, что хочет от меня взаимности, встречных чувств или банальной женской благодарности… А я была как спящая красавица, вот только в моей сказке принц не разбудил меня поцелуем, а, наоборот, умертвил… А в мужчине, который волею судьбы оказался рядом со мной, я долго не признавала нового принца…

Я пришла в себя только летом следующего года… Тогда уже я сносно изъяснялась на французском и даже обзавелась здесь каким-то своим

микромиром – походы за хлебом по утрам, прогулки вдоль Сены по вечерам с ним после работы, по субботам – блошиные рынки или поздние завтраки в Латинском квартале или на Монмартре… Мы часто просто молчали… Но это молчание было очень гармоничным и социальным. Я наблюдала за миром вокруг, как зверек, который выглядывает за своими собратьями из кустов, но пока не решается сделать шаг к ним навстречу, вынырнуть из зарослей… Роберт видел все это во мне. И не давил. Он никогда на меня не давил…

А еще я снова начала рисовать… Тоже не сразу, тоже ближе к лету после переезда. Брала мольберт, кисти или пастель и шла искать вдохновения в городе. А Париж и правда вдохновлял… Есть города, вводящие тебя в еще большую депрессию. Есть города, способные тебя возрождать… Наверное, у каждого список таких городов свой, все зависит от характера, атмосферы, конкретного периода в жизни. Тогда, в тот момент, Париж стал именно тем городом, который помог мне возродиться…

Мы обычно долго идем к осознанию, но оно накрывает стремительно и внезапно. Я помню, как сидела в кафе у дома в пятницу после полудня и пила кофе с круассаном, и вдруг почувствовала, как ко мне разом возвращаются все краски этого мира, все его запахи… Как я снова обретаю себя, снова возвращаю себе способность чувствовать… Я слышу звон старинного колокола на часовне, слышу смех людей, чувствую запах свежеиспеченного хлеба и своего еще не остывшего кофе – и оно играет яркими вкусами на моем языке… Впервые мне вкусно… Мне вдруг хорошо… Те угольки во мне, казалось, совсем потухшие, стали снова греть. Я начала вглядываться в это чувство разливающегося по телу тепла, вслушиваться в него и внезапно поняла, что это Он заставляет меня чувствовать это самое тепло, что это Он его источник… Мысль о Нем, вот-вот собиравшемся выдвинуться с работы мне навстречу, вдруг разом спровоцировала все эти эмоции…

Я бежала к нему вдоль Сены – по маршруту, который он ежедневно проходил от работы до дома, не более пятнадцати минут, и улыбалась всем прохожим. А они улыбались мне, потому что видели – мое сердце открыто для любви. А любовь – это главная религия Парижа… Здесь ей всегда рады, здесь ее всегда поймут.

Он сначала ошалел, когда я кинулась к нему на шею, шепча, что я люблю, а потом… Потом я помню эти самые теплые руки на своей коже… Помню его поцелуи, его бархатный взгляд, его нежность… В тот вечер, вернувшись домой, я отдалась ему как женщина. Я сделала это для него. Знала, что это важно для

него как для мужчины… Для меня самой мало что изменилось – близость, которую я чувствовала к нему как к человеку, была намного важнее секса, и она уж точно стала результатом кропотливого терпения, понимания и поддержки, а не вспышки сиюминутных чувств, замешанных на взрывоопасном коктейле из гормонов, эмоций и молодой горячности… И в то же время я с радостью и готовностью дарила ему себя…

Я помню тот наш первый интимный вечер вместе… Мы лежим в теперь уже общей постели. Его нога на моем голом бедре, а рука перебирает разметавшиеся волосы. Он любуется мною и улыбается. А я смотрю на него и наслаждаюсь своим покоем…

– Ты счастлива, Иза? – спрашивает нежно.

Я молчу, думая, вглядываясь в себя. И знаю, что он сейчас очень сильно напряжен… Возможно, как никогда… В этом его вопросе весь смысл его жизни, нашего будущего…

Поворачиваюсь к нему и целую в губы.

– Счастлива, Роб… Очень счастлива… – шепчу, а он снова накрывает меня своим теплом и лаской…

И я слышу, как он глубоко дышит, как тихо-тихо шепчет мое имя… И невольно в голову приходят сравнения-вспышки из другой жизни… Дикость, страсть, крики до хрипоты… Болезненное, отдающее спазмами удовольствие, часто вырванное с мясом из крепких объятий собственного достоинства и гордости… С Робертом все не так… Но это не значит, что хуже… Это просто другой мужчина. Другая я. Другая жизнь… Все другое…

Его движения плавные и осторожные, но я все равно чувствую себя маленькой девочкой в его власти. Он большой и мужественный. Заботливый. Взрослый и ответственный.

– Моя любовь… – шепчет он тихо-тихо, когда достигает пика. – Моя красавица.

Его акцент сейчас сильный-сильный…

Я тянусь к его приоткрытому рту и целую сама.

– Спасибо, Роберт… Спасибо тебе за тебя…

Роберт никогда не спешил. С Робертом никогда не сносило крышу. Он был моей гаванью. В его объятиях я впервые в жизни почувствовала, что дома… Странный парадокс – я не испытывала с ним оргазма. Ни разу… Но это тоже ничуть меня не печалило. Я любила его, но другой любовью. Не той, что трепетала между ног, не той, что заставляла внутри все переворачиваться, забирая и разум, и волю, и здравый смысл… Алан – это темная, пугающая энергетика… Она парализует, гипнотизирует, лишает воли… Роберт – это свет, добро… Это умиротворение… Как такие разные, такие полярные эмоции могут выливаться в одинаковые чувства при сексе? Не могут… Ни при каком раскладе. Я говорила себе об этом и задвигала подальше мысли о Другом, которые, как я ни старалась, незримо преследовали меня по пятам, пусть и крадясь немного позади, словно прячась в отбрасываемой от меня самой тени. Иногда мне казалось, что демоны, танцующие в ней, маленькие и уставшие, уже отжившие свой век. Иногда – что они такие большие и устрашающие, что сейчас сожрут меня, проглотят…

Роберт чувствовал эти мои страхи, знал, что они меня преследуют излишней чувствительностью и ранимостью, перепадами настроения, тревожностью, кошмарными снами и ничем не объяснимыми приступами депрессии, а еще тоской… наваливающейся спонтанно и внезапно, высасывающей из души вмиг все тепло… Это он настоял на походах к психологу. Я сначала артачилась. Мне казалось, психолог это блажь. Влияние российского воспитания, когда все свои проблемы пытаешься решить в лучшем случае за бокалом с подругой, а в худшем – прячешь подальше в душе, пока не взорвется и не накроет…

Благодаря работе специалиста спустя какое-то время я перестала плакать всякий раз, когда думала о Нем, оставаясь одна. Перестала чувствовать эту изнуряющую щемящую боль, которая вмиг способна заполнить всю душу, стоит только заиграть не той песне или появиться любому другому понятному только мне напоминанию из прошлого. Мне объяснили, что причины моей эмоциональной нестабильности – попытка скрыть, запрятать, уйти от проблемы, а не посмотреть ей в глаза. Я словно бы создала в своей голове две параллели – той Бэллы, которая страдала и мучилась и до сих пор тоскует по своему хозяину. И новой, Изы, которая открыта к любви достойного мужчины, которому веришь…

Любви на равных…

Со временем первая реальность переросла в страницы памяти… Светлые и не очень, но они больше не вызывали диких уколов боли, страха и паники. «Время все лечит», – говорил Роберт многозначительно с самого первого дня, а я все время вспоминала рассказанную им легенду о царе Соломоне и его перстне… Наверное, он был прав… Но где-то глубоко-глубоко внутри я признавалась себе, что до конца так и не отпустила, так и не забыла… Я все равно то и дело, пускай с годами все реже и реже, могла ненароком найти Его фото в интернете, почитать о его успехах, о его семье… Он ушел из боев и теперь в большом строительном бизнесе, крайне успешен. Наверное, его мама теперь рада… Еще бы. У сына получилось всё… Его дом – полная чаша. У него любимая дочь от любимой жены. И их семейная фотография из глянцевого журнала идеальна, от единого цветового оформления их нарядов до интерьера семейной гостиной. Вот и хорошо… Он счастлив… Значит, так и должно было быть. Он сделал свой выбор… И этот выбор действительно был правильным. Милена – лучший спутник для такого мужчины, как он… Куда там мне с моим темным сомнительным прошлым и неустойчивой психикой… Рядом с ним сильный партнер, равный по статусу и происхождению, успешно развивающий свой медицинский бизнес…

После таких «мазохистских» экскурсов в прошлое я начинала еще больше ценить то, что имела, ценить Роберта… Я любила нашу жизнь. И знала, что лучше мужчины судьба подарить мне не могла… Тем тяжелее было осознавать, что как мы ни старались, детей у нас так и не появилось… После четырех лет безуспешных попыток в моем отчаянном порыве пойти на любые крайности врач сказал честно и откровенно: «Если бы проблема была в вас, Изабелла, мы бы могли ее решить, но… Мужское бесплодие – это действительно то, что заставляет даже нас, врачей, либо надеяться на чудо, либо… смириться».

Я не хотела мириться… Хоть и делала при нем вид, что приняла этот факт… Мне хотелось ребенка… Отчаянно, до болезненных неврозов, до жуткой бессонницы по ночам, до новых вспышек депрессии…

А потом нашу семью накрыла другая неприятность. Диагноз Роберта, как это часто бывает, прозвучал как гром среди ясного неба. Ничего не предвещало беды. Банальный ежегодный медосмотр, которым он несколько лет кряду пренебрегал… Тот год я все же заставила его пойти провериться – мне не нравился цвет его лица и какие-то странные боли в районе поясницы, которые он списывал на радикулит. Те месяцы я жила только его лечением… Почку

пришлось удалить… Пройти курс химиотерапии… И уже тогда, в процессе, я поняла и узнала, что все не так страшно, что онкология – далеко не приговор, что в наше непростое, стрессовое время эта болезнь становится довольно распространенным заболеванием. Благо средства и способы лечения тоже не стоят на месте, наука развивается…

Мы выкарабкались и из этого… Казалось бы, выдохнули… Переехали на юг… И я надеялась, что сейчас, наконец, начнется другая глава нашей жизни… Я была права… Как же я была права, вот только не знала, что все изменится настолько радикально…

Глава 6

Бэлла

Спустя два месяца

В Москве была золотая осень… Все любят это время – шуршание желтой листвы под ногами, сотни фотографий в соцсетях в уютных свитерах вечно актуальных оттенков от охры до кэмел, посиделки в кафе за кофе или травяным чаем с друзьями в рассказах о прошедшем отпуске… Меня же осень расстраивала. Осенью я приехала когда-то покорять Москву, перечеркнув свою прошлую жизнь. Помню это чувство промозглого страха, пробирающего до костей на железнодорожном вокзале на рассвете. Все вокруг заспанные, пресные, унылые, враждебно-отстраненные… За душой у меня ни гроша, маленькая спортивная сумка на плече, дешевая тоненькая ветровка… Снова дежавю… Снова этот бьющий под дых предрассветный ветер, теперь уже на выходе из аэропорта… И пусть рядом надежный мужчина, в карманах платиновые кредитные карты, а в чемоданах брендовые вещи – на душе все так же тревожно и боязно, и прошлую жизнь снова пришлось оставить где-то там, позади, в августовских солнечных зайчиках на деревянном полу в Ницце… Мы садимся в присланную за нами машину от компании, едем в наш новый «дом»… Да, именно так я себя настраивала. Если нам минимум год придется жить в этом городе, нужно попытаться создать «свою крепость» хотя бы в пределах той жилплощади, которую нам тоже любезно предоставила компания.

Мы будем жить в Москва-сити… Другие бы на моем месте были счастливы. Я же никогда не любила это скопление нелепых небоскребов, так сильно поменявших облик города. Многие говорили, что у каждого мегаполиса должна быть собственная агломерация пронзающих облака высоток. Я этого никогда не понимала и понять не смогу… Эти небоскребы на поверку – дикий ветер, неполезная для здоровья высота, холод бездушных помещений… Здесь нет истории, нет уюта, нет ощущения спокойствия…

Рука Роберта нежно трогает мою щеку, стоит нам только сесть в автомобиль. Он, конечно же, чувствует мою внутреннюю дрожь.

– Эй, все будет хорошо, Иза, – говорит он нежно, пытаясь воодушевляюще улыбаться.

А мне впервые в жизни режет слух это его «Иза»…

Наша квартира оказалась на двадцать пятом этаже. Ужасно. Когда мы ехали в лифте, уши закладывало и голова кружилась… Оказалось, что это еще не так высоко. Бедные люди жили еще выше… Самое смешное – чем выше, тем квартиры дороже!

– Все это очень плохо, Роберт, – ворчала я, осматривая холодную на вид из-за общей тональности кипенно-белых стен квартиру и заламывая руки, – слишком высоко! Ты вообще знаешь, что экологи не советуют жить выше пятого-шестого этажей? Все выбросы от вредных предприятий идут наверх! Особенно в этой части Москвы… Где столько заводов…

– Не работающих… – улыбался мне мой мужчина в ответ. – Все старые заводы сейчас превращены в модные лофты. Не придумывай, Иза… Зато посмотри, какой вид из окна красивый…

– Я завешу эти окна шторами, Роб, так и знай… У меня голова кружится смотреть вниз с такой высоты! – ответила я все так же воинственно.

В этот момент на его лице промелькнула странная тень то ли испуга, то ли осознания… Я потом только поняла – он, наверное, тогда подумал о том случае

на мосту… Или о моей сестре подумал. Я рассказала ему, как она ушла… Правда, окна здесь не открыть – система безопасности такая. Так что зря он волновался.

Подошел ко мне и притянул к себе за талию. Поцеловал нежно.

– Если совсем не нравится, завтра же поедем сами выбирать квартиру на твой вкус, Иза… Только скажи.

Я молчала, тяжело дыша. Жить здесь, конечно, было выгодно. И на работу Роберту ехать близко, и полный социальный пакет от фирмы. Сейчас снимать хорошую квартиру в центре – ненужные затраты. Мы здесь, чтобы максимально оперативно выправить финансовое положение, а не шиковать. Раз у компании такой квартирный фонд, надо радоваться тому, что есть!

– Все нормально… Поворчу-поворчу и успокоюсь… Но шторы куплю. Уж извини…

Улыбнулся облегченно.

– Рад, что ты мыслишь конструктивно, девочка моя. Как скажешь, так и будет. Я полностью вверяю тебе власть над этим домом. – Потерся носом о мой нос… – Спасибо, Иза… Спасибо за всё… Я очень благодарен тебе, что ты согласилась ехать со мной… И это после завершения такого успешного проекта…

Я, конечно же, сразу растаяла. Не могла злиться на него. Просто не получалось.

– Все нормально, Роб. Место жены рядом с мужем, – сказала, поцеловав в ответ, – все будет хорошо… Да и, к тому же, кто знает, как сложится с Москвой… У меня на следующей неделе встреча с этой Альбиной Рисовой, помнишь, я тебе про нее рассказывала? Она была на нашем открытии в Милане, заинтересовалась проектом. Марко погуглил их компанию – серьезные ребята. Если все срастется, займемся новым проектом здесь, да еще и всей нашей старой командой. Ребята готовы приезжать раз в месяц при условии, что я буду вести дела здесь как постоянно живущая… Короче, та же схема, что была у нас в Милане, только там постоянно на объекте находился Марко.

– Рад, если все срастется и ты будешь при деле, малышка…

– Рада, что у тебя все так, как ты хочешь, дорогой…

В тот вечер, на коробках и чемоданах, мне даже показалось, что все мои страхи искусственны, надуманны, преумножены в собственной голове.

Следующую неделю я провела за хлопотами обустройства… И даже не думала о пасмурной серости за окном, сносящем ветре, стоило только выйти из лобби дома на улицу, постоянно плачущем капризным дождем небе над головой и пробках нон-стопом на Беговой и Третьем транспортном кольце…

– Ты моя Золушка, – восхитился в очередной раз муж, зайдя в нашу новую квартиру и с восторгом оглядываясь по сторонам.

Сегодня я, наконец, повесила шторы и украсила дом текстилем. Это всегда придает тепла и уюта даже самому неприветливому помещению. Добавила в этот интерьер немного теплых красок, мягкость ковров и штор, поменяла мебель, создала несколько световых точек в виде торшеров и напольных ламп. Теперь и мне хотелось здесь находиться. Завтра последний аккорд – съезжу в галерею знакомого из Парижской школы дизайна. Он был родом из Москвы, по возвращении открыл галерею современного искусства. Рисует сам и продвигает молодых и интересных художников. Наверняка найду там что-то подходящее для гостиной.

Опустила глаза на руки только что вошедшего домой Роберта – у него с собой опять пицца… Стало стыдно, уже почти неделю мы питаемся покупной едой…

– Прости, я опять ничего не приготовила. Времени вообще не было.

– Прекрати, Иза, – категорично возразил он, – какая еще готовка! Ты и так делаешь слишком много. Пойдем поедим и что-нибудь посмотрим на Нетфликсе. Или, если хочешь, пойдем пройдемся…

Гулять я не хотела… Этот район Москвы явно не располагал к пешим прогулкам. Как минимум меня… Я все еще сильно скучала по нашим вечерним моционам на променад Дес-Англе (прим. – набережная Ниццы)… И даже по Сене, хоть казалось, что подустала от Парижа…

– Кстати, забыл сказать, в субботу мы приглашены на юбилей руководителя холдинга, безопасность которого я налаживаю. Как раз у тебя будет возможность со всеми познакомиться.

– Ну, нет, Роб, пожалуйста, – стала я отнекиваться искренно, – какие с меня сейчас светские рауты? Я вся в обустройстве, без маникюра, у парикмахера не было месяца два… Давай ты без меня…

Муж нежно накрыл своей рукой мою, нагнулся и поцеловал ее.

– Даже не обсуждается, любимая. Ты пойдешь со мной… Ты не посудомойка и не уборщица! Хватит сидеть в четырех стенах. Надо социализироваться, выбираться из ракушки… Вспомни, что говорил психолог. И никаких маникюров не нужно. Ты блистательнее всех. Всегда, красавица моя…

Глава 7

Алан

Иза Ангелова… Пробовал ее имя на языке. Не нравилось. Не потому что это фамилия другого мужика, которую она взяла. Потому что она никакая не Иза… И не Изабелла. Она Бэлла, моя Бэлла… Бэлла – это пение птиц на рассвете в горах, это журчание весеннего ручейка, это запах только что распустившихся тюльпанов. Он не знал ее, не понимал… Не чувствовал. Просто потому что он был чужак, иностранец… У любви много языков, но кто бы что ни говорил, глубже всего трогает тот язык, на котором мать над твоей колыбелью шептала тебе признания в любви. Так уж это в нас заложено.

Как же я его уже ненавидел. Раньше тоже ненавидел. До дрожи, до оскомины, до желания бить по лицу, пока оно не превратится в месиво. Но сейчас эта ненависть стала словно бы оформившейся – более острой, нестерпимой. Ненависть бывает с разным привкусом – обиды, зависти, поражения… Но одна из самых ожесточенных ее форм – замешанная на ревности, чувстве, часто делающем нас невменяемыми, неуправляемыми. Я ощущал ревность каждой клеткой своего тела. Чувствовал, как она пронзала насквозь сердце каждый

вечер, когда я стоял у окна своей спальни, смотрел на густой темный лес и думал о том, что Она там, засыпает с ним, а не со мной…

Когда мне принесли на них полное досье, не мог скрыть своего торжества от факта того, что у него финансовые проблемы на работе. Это зацепка. Это мой реальный шанс подобраться к Ней ближе. Я тогда так обрадовался своему плану, что даже не стал копать глубже, не стал задаваться более каверзными вопросами. Почему-то Роберт Ангелов, крайне успешный в своем деле специалист-безопасник с безукоризненной репутацией международного уровня, решил вдруг пропасть почти на полтора года с радаров и делегировал бизнес своему неудачнику-партнеру… Тогда я объяснил это для себя довольно просто. Наверное, как это сейчас модно в Европе, «выгорание»… Решил «пожить для себя», «заземлиться», «уйти в дауншифт», или как там они еще говорят, «уделить время семье»… Последняя формулировка, стоило только о ней подумать, вселяла в меня дикую ярость, страшнейшую… Сука, семье он время уделяет… Все они, жалкие неудачники, семьянины хреновы… А вот у меня не было ни выгорания, ни желания уйти в дауншифт. Потому что за пределами моей работы всё, абсолютно всё, даже профуканные мною же самим отношения с родителями, было сплошным провалом, сплошной болью… Луч света в темном царстве – моя Кира… Да и ее, в чем я не сомневался, через пару-тройку лет начнет против меня накручивать ее мамаша… Бабы дуры, всегда пытаются мстить мужчинам через детей.

– У них нет детей? – спросил я у помощницы, когда она презентовала мне информацию на Бэллу, не своим, поцарапанным, голосом, потому что трусливо боялся услышать то, что еще больнее уколет иголкой мое сердце.

– Нет, детей нет. Не знаю, в чем причина. Может, не хотят. Может, проблемы. Вы же знаете, в Европе очень строго с медицинской историей и врачебной тайной. Доступа к клиническим данным на обоих объектов у нас нет… Вот всё, что могу сказать.

Илона положила передо мной увесистую папку, провела по ней холеной наманикюренной рукой.

– А это данные по проекту, который она реализовывала в команде архитекторов. Они действительно имели большой успех. Про Изу Ангелову вышло несколько громких статей в ведущих специализированных журналах. Знаю, что несколько перспективных работодателей ею интересовались. Здесь вся подборка, как вы

просили…

В тот день Илона очень сильно меня порадовала. Не тем, что сразу после своей «презентации» залезла под стол по моему приказу и первоклассно отсосала. Этим ее умелый рот уже давно перестал меня удивлять. В древней Спарте горевестников обычно скидывали в глубокую яму. Илона принесла мне хорошие новости, воодушевляющие, сулящие мне победу… Я смотрел перед собой на висевшие на стене нарисованные когда-то мною гравюры с Бэллой и улыбался… Скоро ты снова будешь рядом, малютка… Обещаю тебе…

***

За это долгое в моем представлении время, пока они переезжали в Москву, я изучил папку с ее проектом наизусть. Она действительно была талантливая, моя Белка… Я смотрел чертежи, палитру, элементы декора – смотрел уже не как дилетант, а как профессионал, знавший, как продать целые небоскребы, целые кварталы, как застроить гектары. И понимал, что внесла в проект она, где ее почерк, где ее след. Это было особым удовольствием – вот так расшифровывать ее индивидуальность в дизайне…

– Алан, нам пора выезжать… – вырывает меня из моего особого мира предвкушения Милена, материализовавшись на пороге кабинета. – Пробки могут быть в сторону центра, некрасиво опаздывать. Мы ведь почетные гости…

Я глубоко выдыхаю, с трудом сдерживая раздражение. Сегодня, пожалуй, надо себя перебороть и промолчать. Не хочу с ней ссориться, не хочу тратить на нее силы, тем более что Кира дома. На самом деле, в доме в Серебчике я почти не бываю. Здесь правит Милена. Приезжаю сюда только по выходным, пообщаться с ребенком. Уже как пару лет я живу прямо рядом с офисом. С учетом того, что на работе я днюю и ночую, это оптимальный вариант. Да и не только поэтому… Милена так и не стала мне родной. И даже ребенок нас не сплотил, как бы ни мечтала об этом ее мать… Для дочери мы, однако, поддерживали эту самую видимость семьи, но… После моей встречи с Бэллой в Венеции делать мне это стало вдвойне сложнее и неприятнее…

А еще на душе нон-стопом скребли кошки. Потому что Она-то как раз в браке была счастлива… Из того, что удалось собрать на нее моим людям, их пара, как минимум внешне, была идеальной, хотя… По нам с Миленой так тоже можно

было сказать.

Вот как сегодня, например. Мы идем на день рождения Егора Йовишвили как добропорядочная семейная чета. Она красивая-нарядная, я весь при параде. Егор – один из моих «свадебных генералов», как мы это называем в большом бизнесе. Просто тогда, когда мои возможности стали такими существенными, что им могли начать завидовать уже даже «небожители», я решил немного уйти в тень. Это как с айсбергом – никто никогда не знает, насколько он большой под водой… Идеальная тактика ведения бизнеса в России. Меня этому Капиев научил, он как раз и пострадал от того, что слишком высоко взлетел и вызвал ту самую «зависть богов». Егор был делегирован руководить моими готовыми возведенными объектами – поддержка, охрана, безопасность, ТСЖ.

Конечно, «руководил» условно… Когда я представил ему кандидатуру Ангелова как потенциального партнера для апгрейда систем безопасности, он согласился без лишних вопросов. На самом деле, правильно сделал, потому что тот правда был профессионалом. Конечно, наверное, со стороны выглядело странно – с чего бы это я углубился в столь узкую, совсем не профильную тему и начал советовать каких-то левых спецов для найма… Но Йовишвили был далеко не дурак, иначе бы не сидел на своем месте. Поэтому вопросов лишних не задавал…

– Подарок не забыла? – спросил для вида что-то у Милены, копаясь в телефоне, пока мы стояли в пробке.

Мы, конечно же, в нее встали. И она не преминула раз десять подчеркнуть, что предупреждала меня, что так и будет и нужно было выйти заранее. Я зачем-то сегодня взял водителя. Надо было ехать самому за рулем. Посадил бы ее назад, а сам смотрел бы на дорогу. А теперь приходилось сидеть рука об руку с ней сзади. И смотреть на нее. Бесило.

– Взяла, конечно, – ответила укоризненно, не думая своей безмозглой головой, что кудахчет при водителе, – что, больше нечего спросить, Алан? Ты неделю не видел ни меня, ни дочку… Хоть поинтересовался бы…

– Чем? – поднял я на нее глаза, оторвавшись от дисплея. – Я знаю про дочь побольше твоего. Учителя мне скидывают данные из школы по успеваемости,

как и репетиторы. Мы с ней на созвоне каждый день после уроков и даже три раза в неделю обедаем вместе…

– На созвоне… Обедают они… – усмехнулась Милена. – Ты вообще себя слышишь? Ты про кого сейчас говоришь? Про ребенка своего или про телку очередную? Дочери нужен отец! Постоянно! Не воскресный папа, а каждодневный!

Я закатил глаза, проклиная все на свете. Сегодня точно напьюсь. Поводов слишком много…

– Может, хотя бы посмотришь на меня, Алан? – не унималась она. – Ничего не замечаешь? Я вообще-то прическу новую сделала… Вот так тебе настолько на всё пофиг?

– При чем здесь «всё»? Всё – это твоя прическа, Милена? Ничего, тебя молодит, если хочешь мое мнение…

– Урод… – прошипела она под нос, отвернувшись.

Я тоже отвернулся, чтобы не съехать на мат. В нашей ситуации осталось только это при водителе…

Когда мы, наконец, доперли до банкет-холла, я выдохнул с таким облечением, что не передать… Полтора часа в закрытом пространстве с Миленой – испытание похлеще диалога в чистилище при определении твоего дальнейшего пути, в ад или рай… Подумал об этом сравнении и вдруг понял – а я ведь и правда все эти годы был как в чистилище. Пришло время определяться, куда идти дальше – возноситься в небеса или катиться в пекло…

Глава 8

Бэлла

Я отвыкла от шумных тусовок. Вернее, я никогда к ним и не привыкала… Даже все эти публичные мероприятия в рамках созданного нами проекта и то тяготили, а здесь, в этой московской «ярмарке тщеславия», сложно было втройне.

У Москвы есть удивительная черта… И я не про то, что она «слезам не верит». Можно сколько угодно на расстоянии высмеивать, презирать и отвергать странную тягу нашего брата к тому, чтобы в любой ситуации выглядеть на миллион долларов в прямом и переносном смыслах этого слова, но стоит только попасть обратно в эту среду, невольно твои собственные установки и убеждения начинают рушиться. Нет каблукам на все случаи жизни? Бриллиантам утром, в обед и на ужин? Нет сексуальным, выгодно подчеркивающим фигуру, но жутко неудобным нарядам? Пойдите хотя бы раз вечером в пятницу в модное заведение Москвы с этими вашими европейскими «демократическими», можно даже сказать, феминистическими установками – и вся ваша жизненная философия разлетится на осколки. Кто бы что ни говорил, но нет ничего неприятнее равнодушно-презрительных взглядов мужчин и снисходительно-насмешливых взглядов женщин в среде, где «встречают по одежке». Может, потом ваш ум и оценят, но «до» придется соответствовать.

Времени на изыски у меня не было, но и бить лицом в грязь не хотелось. Отдала предпочтение беспроигрышной классике. Идеальному по посадке и качеству ткани черному платью от Диор в обтяжку чуть ниже колен. Оно висело у меня в шкафу уже четвертый год. Купила на выпускной в Архитектурной школе. Вот и хорошо. Вероятность того, что кто-то придет в таком же, минимальна. В Москве все продолжают отчаянно гнаться за новыми коллекциями, мое платье по меркам богатых и красивых старьё… Тонкие, как спицы, шпильки на ногах. В обычной жизни не ношу, но… Решила все-таки напялить сегодня. Я немного набрала в весе. Расслабилась в Ницце. На самом деле слегка, всего пару килограммов, Роберту нравилось, но… сама я, как все девушки, имела свои представления об идеальном весе. Высокий подъем каблука зрительно делал меня, как мне казалось, эффектнее. Волосы просто загладила утюжком. На лицо – идеальный тон, тушь для ресниц и красная помада. Все-таки меня здесь будут воспринимать как француженку. Надо соответствовать стереотипам, да и красный на губах всегда спасает при чрезмерной бледности кожи, а она у меня почему-то сейчас была именно такой, несмотря на то, что позади лето на солнце и море… Мысль об этом снова засосала под ложечкой. Отодвинула ее подальше и направилась к выходу, где уже ждал Роберт.

Мы приехали, когда почти все гости уже собрались. Быстро поздравили юбиляра, который крутился среди гостей как белка в колесе, но все же уделил нам дежурно-вежливые пару-тройку минут – спросить, как обустроились и как нам Москва. К счастью, Роберта тут же сердечно поприветствовал кто-то из новых коллег и пригласил за свой коктейльный столик. Мы оказались в приятной компании его супруги и еще двух женщин – жен сотрудников. Все они были приятно удивлены узнать, что я говорю на русском. Много и не без блеска интереса в глазах расспрашивали о жизни в Париже.

Я пригубила бокал белого сухого. В голове появилась легкость и расслабленность. Мне даже показалось, что все не так страшно и напряжно, как я себе представляла. На сцене то и дело сменялись исполнители, задорный ведущий в перерывах между музыкальными номерами приглашал гостей с тостами… Мы стояли довольно удаленно от сцены, за веселой оживленной беседой уже давно потеряли нить и не следили за маневрами в первых рядах, а потом… Я поняла, что зал как-то многозначительно затих и лишь то и дело шебуршал перешептываниями. Видимо, ведущий опять кого-то представил и пригласил на сцену. Мои новые знакомые тоже вмиг замолчали, как и все остальные. Все взгляды теперь устремились на сцену. Я тоже повернула голову с интересом, и… перед глазами все поплыло…

Алан

Не успел я попасть в гудящий зал банкета, как десятки знакомых лиц назойливыми мухами начали меня облеплять. Милена скрылась из виду почти в самом начале. Стоило нам только подойти к юбиляру и презентовать купленный Миленой подарок – какую-то очередную дорогущую хрустальную вазу Кристофл, мы с ней разошлись по залу, «как в море корабли». Правда, оглядеться в поисках кого-то из более-менее ненапрягающих спутников и заныкаться поближе к бару у меня ожидаемо не получилось, меня сразу поперли на сцену. А может, и хорошо, быстро отобью свою очередь и… займусь более приятными вещами. Возможно, найду себе на вечер милую улыбчивую телочку, возможно, просто набухаюсь…

Выходил на сцену в скверном настроении. Ненавижу публичные выступления. За столько лет так и не привык к ним. До безумия бесят эти взгляды – завистливые, похотливые, соблазняющие… Тошно… Взял себя в руки, сжал влажными пальцами фонящий микрофон. Уволил бы на фиг этих организаторов, столько

бабок вбухано, а у них микрофон фонит, как на сельской свадьбе…

– Егор, – прокашлялся и начал, – я знаю тебя не первый год и очень ценю не только наше профессиональное сотрудничество, но и дружб….ууу…

Наверное, так бывает. Кто-то называет это энергетикой, кто-то долбанной роковухой… Я смотрел безэмоционально, не глядя на эту слившуюся для меня в единую черно-белую массу толпу, а потом… Потом в горле пересохло… Голос вмиг охрип… Я не ожидал этого… Видит Бог, не ожидал увидеть ее так скоро… Не думал, что Егор позовет их на свой юбилей… Они же только приехали, он знает ее мужа не больше недели. Как можно тащить на свое личное мероприятие малознакомого человека?

Я готовился к нашей встрече, но не здесь, не сейчас, не вот так… Увидеть ее, идеально красивую, утонченную, шикарную, породистую, среди этой мишуры московского мещанства… Больно… Сильно больно… Прямо под дых. Как на октагоне когда-то…

Почувствовал на себе недоумевающие взгляды окружающих, прежде всего самого Егора, и словно бы очнулся от транса. Все это время я стою, как дебил, на сцене – и молчу… Сколько это длилось? Мгновение, минуту, десять минут?

– С днем рождения, Егор! Будь счастлив и здоров! – сказал я, отсалютовав ему бокалом и оторвавшись, наконец, от нее…

А когда снова посмотрел, Бэллы уже там не было… Сбежала… Или мне это всё только привиделось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/iman-kal-bi_/alan-skazhi-chto-ty-moya-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити